

В. Виндельбанд

**История новой философии в ее связи с
общей культурой и отдельными науками**

Том 1. От Возрождения до Канта

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Виндельбанд**
История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: Том 1. От Возрождения до Канта / В. Виндельбанд – М.: Книга по Требованию, 2024. – 478 с.

ISBN 978-5-4241-7478-0

История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками

ISBN 978-5-4241-7478-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Имя В. Виндельбанда уже хорошо извѣстно у насъ; но еще далеко не всѣ знаютъ, что его «Исторія Новой Философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками» во многихъ отношеніяхъ составляетъ наилучшее изъ его произведеній. Западные критики единогласно называютъ ея изложеніе въ высшей степени живымъ и увлекательнымъ, дѣлающимъ ея чтеніе пріятнымъ занятіемъ. Впрочемъ, русскіе читатели до нѣкоторой степени уже знакомы съ ней по переводу Н. Н. Платоновой ея части, замѣствованной изъ втораго тома и посвященной философіи Канта, изданіе которой было встрѣчено у насъ большимъ одобреніемъ. По ясности и изяществу изложенія, соединеннымъ съ строгой научностью, на ряду съ «Исторіей Новой Философіи» Виндельбанда можно поставить только «Исторію Новой Философіи» Куно Фишера. Но и отъ него Виндельбандъ отличается нѣкоторыми цѣнными сторонами.

Куно Фишеръ имѣетъ въ виду нѣсколько иныя задачи и поэтому слѣдитъ за связью и взаимными вліяніями философіи съ другими факторами общенсторического процесса, не такъ широко, какъ это дѣлаетъ Виндельбандъ, которому удалось составить такую книгу, что при ея помощи читатель легко объединяетъ свои познанія по исторіи новой философіи съ другими областями исторіи въ одну цѣльную картину исторического процесса. А такая книга для насъ существенно необходима: очень часто приходится наблюдать, что исторія философіи, исторія литературы, политическая исторія и т. д. размѣщаются въ умѣ, каждая какъ бы въ особый ящикъ, нисколько не поясняя и не дополняя другъ друга, такъ чтобы изъ всѣхъ нихъ складывался единый образъ исторического процесса, взятаго въ его цѣломъ. Конечно, это нежелательное явленіе зависитъ не

только отъ того, что каждой исторической дисциплинѣ приходится учиться у особаго спеціалиста, который естественно долженъ стремиться сосредоточивать наше вниманіе на своеобразныхъ особенностяхъ его отдѣла, но еще и отъ того, что мало книгъ, составляемыхъ широко и разносторонне образованными авторами, которые ставили бы своей задачей объединить разрабатываемую ими историческую дисциплину со всѣми остальными.

Кромѣ того «Исторія Новой Философіи» Куно Фишера изложена въ 9 объемистыхъ томахъ, такъ что доступна лишь небольшому кругу читателей и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть употребляема, какъ учебникъ при преподаваніи исторіи философіи. Книга же Виндельбанда составляетъ лишь два тома обычнаго размѣра и по характеру своего изложенія одинаково пригодна какъ для большой образованной публики, такъ и для учебныхъ цѣлей. Въ той части предисловія къ первому изданію, которой Виндельбандъ не воспроизводитъ во второмъ, онъ самъ говоритъ, что имѣлъ въ виду изложеніе, составляющее середину между столь обширными сочиненіями, какъ Куно Фишера, и учебниками, которые по своей сжатости не могутъ служить книгой для чтенія. Правда, съ перваго взгляда можетъ показаться, что для учащихся, которые по дѣйствующимъ у насъ учебнымъ планамъ должны посвящать на изученіе новой философіи всего лишь годъ, затруднительно пользоваться въ видѣ учебника и двухтомнымъ пособіемъ. Но не надо забывать, что въ составъ этихъ двухъ томовъ входитъ множество фактовъ, уже знакомыхъ учащимся изъ другихъ дисциплинъ исторіи и излагаемыхъ здѣсь лишь для выясненія ихъ связи съ исторіей философіи. Что же касается самихъ философскихъ ученій, то при ихъ изложеніи Виндельбандъ съ величайшей осмотрительностью ограничивается только основными и существенными положеніями. И если его изложеніе оказывается по числу страницъ длиннѣе, чѣмъ въ другихъ пособіяхъ, то это происходитъ вовсе не отъ обилія подробностей, а только отъ того, что онъ усердно комментируетъ излагаемыя имъ положенія, стараясь сдѣлать ихъ насквозь прозрачными для своихъ читателей.

Издавая это произведеніе Виндельбанда и горячо рекомендуя его, я, конечно, не хочу этимъ сказать, что подписываюсь подъ всѣми его взглядами; но я считалъ себя не въ правѣ снабжать редактируемый переводъ полемическими примѣчаніями; а

мои разногласія съ Виндельбандомъ нисколько не мѣшаютъ мнѣ считать его книгу необычайно полезной для русскихъ читателей, особенно если они не захотятъ пассивно усваивать выводы и общенія Виндельбанда, а станутъ провѣрять каждый изъ нихъ при помощи фактовъ и соображеній, приводимыхъ имъ въ пользу своихъ заключеній. Тогда они и сами замѣтятъ, гдѣ онъ поддается увлеченіямъ, а гдѣ опирается на твердую почву; ибо какъ бы ни увлекался Виндельбандъ, факты онъ воспроизводитъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ воспользоваться случаемъ, что бы разсѣять одно довольно распространенное недоразумѣніе. Многие думаютъ, будто бы уже давно переведенная подъ моей редакціей «Исторія Древней Философіи» Виндельбанда (*Geschichte der antiken Philosophie*) и издаваемая теперь его «Исторія Новой Философіи» (*Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange etc.*) составляютъ лишь части его книги, озаглавленной просто — «Исторія Философіи» (*Geschichte der Philosophie* — въ одномъ томѣ). Въ дѣйствительности же это три совершенно самостоятельныхъ работы, и послѣдняя изъ нихъ (имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ г. Рудина) изложена по своеобразному методу, рѣзко отличающемуся отъ изложенія обѣихъ другихъ и дѣлающему ее менѣе удобной какъ для учебныхъ цѣлей, такъ и для чтенія тѣхъ лицъ, которыя еще не владѣютъ хорошимъ знаніемъ основныхъ положеній системъ древней и новой философіи. Эту-то работу, «Исторію Философіи», и имѣетъ въ виду Виндельбандъ, говоря въ предисловіи ко второму изданію «Исторіи Новой Философіи въ ея связи и т. д.», что въ промежутокъ между обоими изданіями послѣдней ему пришлось обработать тотъ же матеріалъ въ болѣе общихъ чертахъ, по совершенно другому методу, а поэтому совсѣмъ въ другомъ порядкѣ и что необходимость для разныхъ круговъ читателей различныхъ обработокъ новой философіи заставляетъ его тѣмъ не менѣе переиздать свою «Исторію Новой Философіи въ ея связи и т. д.». Чтеніе «Исторіи Философіи» Виндельбанда, въ одномъ томѣ охватывающей всѣ вѣка и древней и новой философіи, благодаря своеобразностямъ метода ея изложенія, полезно только для тѣхъ, кто уже прошелъ этотъ предметъ по другимъ пособіямъ, изложеннымъ такимъ же методомъ, какого придерживается и самъ Виндельбандъ въ своей «Исторіи древней» и «Исторіи Новой Философіи».

Переводъ перваго тома исполненъ Е. И. Максимовой (до стр. 127) и В. М. Невѣжиной (остальная часть). Второй томъ выйдетъ въ непродолжительномъ времени; и я намѣренъ присоединить къ нему систематическій указатель важнѣйшихъ произведеній по исторіи новой философіи, преимущественно русскихъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, а сверхъ того краткій философскій словарь.

С.-Петербургъ.
Сентябрь 1902 г.

Александръ Введенскій.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Кто хочет прибавить къ многочисленнымъ разработкамъ исторіи новой философіи, уже имѣющимся въ нашей литературѣ, еще одну новую, долженъ дать отчетъ о поводѣ и цѣли своего труда.

Книга эта возникла изъ моихъ занятій методомъ философіи, наведшихъ меня, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ историческаго происхожденія методологическихъ направленій, на вопросъ: многими-ли изъ своихъ возрѣвій великія системы обязаны установленнымъ ими методамъ и многими-ли, съ другой стороны, движенію общей культуры и приобрѣтеніямъ остальныхъ наукъ? При этомъ выяснилось, что творческое значеніе философскихъ методовъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній довольно ничтожно.

Матеріаль, добытый при этихъ анализахъ, болѣе всего пригоденъ или для ряда монографій, или для исторіи методовъ. Если я, послѣ нѣкотораго колебанія, предпочелъ дать ему послѣднюю форму, то мной руководило слѣдующее соображеніе. Для перваго введенія въ исторію мы нуждаемся въ сочиненіи, которое, при сравнительно небольшомъ объемѣ, выставяло-бы зрѣлые результаты изслѣдованія въ формѣ, идущей на встрѣчу потребности научно мыслящаго, но до сихъ поръ далеко стоявшаго отъ философіи, читателя. При этомъ я имѣлъ въ виду отнюдь не популярное изложеніе: философія вообще не поддается популяризованію, даже въ такъ называемыхъ «общихъ результатахъ». Она повсюду предполагаетъ полную строгость научнаго углубленія. Но ее слѣдуетъ приблизить къ сейчасъ упомянутому научному мышленію, на какой бы области оно ни развилось впервые.

Но все же я не рѣшился бы приступить къ этой обработкѣ, если бы не думалъ, что при моемъ изученіи методовъ пришелъ

къ нѣкоторымъ точкамъ зрѣнія, которыя еще никогда не были затро-
нуты такъ, какъ здѣсь. Новое изложеніе этого столь энергично
изслѣдованнаго предмета лишь въ очень немногихъ и при томъ
второстепенныхъ мѣстахъ можетъ надѣяться внести новый свѣтъ
въ фактическое содержаніе ученій. Оно, напротивъ, находится
въ затруднительномъ положеніи, ибо знаетъ, изъ примѣра болѣе
раннихъ обработокъ, и особенно труда Куно Фишера, что лучшее
воспроизведеніе уже существуетъ, и что оно, если только не хо-
четъ списывать, должно остаться далеко позади. То новое, что я
могу надѣяться внести, состоитъ главнымъ образомъ въ пониманіи
всего хода развитія, въ связующей группировкѣ и въ критическомъ
освѣщеніи системъ. Итакъ я—отказываясь отъ многихъ соблаз-
новъ—преслѣдовалъ здѣсь только задачу изобразить общій ходъ
скопленій идей даннаго времени, описать, какимъ образомъ они,
возникнувъ отчасти въ отдѣльныхъ наукахъ, отчасти въ иныхъ сфе-
рахъ культуры, искали свою методическую обработку въ системахъ
философіи, и въ этой связи характеризовать положеніе и значеніе
отдѣльныхъ ученій. Философскія системы вырастаютъ не съ логи-
ческой, а съ психологической необходимостью; но онѣ изъявляютъ
притязаніе на логическое значеніе. Поэтому онѣ требуютъ одно-
временно прагматическаго и критическаго, причиннаго и телеоло-
гическаго разсмотрѣнія. Ихъ возможно понять и объяснить лишь
изъ ассоціацій идей, которыя въ этомъ случаѣ носятъ не только
индивидуальный, но и всемірно-историческій характеръ. И о нихъ
возможно судить лишь по степени, въ какой эти ассоціаціи были
въ состояніи подчиниться логическимъ законамъ.

Относительно изложенія я позволю себѣ лишь еще одно за-
мѣчаніе. Намѣреніе, лежащее въ основѣ этого изданія, запрещало
«оставлять на виду швы работы»; и поэтому я считалъ должнымъ
развивать свой взглядъ о происхожденіи и значеніи системъ но-
вой философіи непрерывнымъ потокомъ и, по возможности, воз-
держиваясь отъ ссылокъ и полемики и отъ положительныхъ или
отрицательныхъ отзывовъ. Лучшую награду за этотъ трудъ я увижу,
если онъ пробудитъ во многихъ читателяхъ желаніе приняться за
изученіе болѣе великихъ твореній. Ибо по истинѣ философское
образованіе, въ концѣ концовъ, всегда достижимо лишь путемъ
полнаго и проникающаго въ самыя частности углубленія въ ве-
ликія системы.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Опубликовать снова сочиненіе, увидѣвшее свѣтъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и придать ему завершеніе, котораго оно тогда еще не имѣло, оказалось затруднительнѣе, чѣмъ я думалъ сначала. Такая книга пріобрѣла за это время какъ бы самостоятельное существованіе; она стоитъ передъ авторомъ, какъ взрослый сынъ передъ отцомъ. Она завоевала себѣ свое собственное положеніе, ее читали, ею пользовались, ей подражали; у нея своя индивидуальность, на которую болѣе нельзя посягать. Поэтому, когда понадобилось новое изданіе, передо мной возникъ выборъ: или совершенно заново написать книгу, или вполнѣ оставить ей ея своеобразный характеръ, какъ ни чуждъ онъ могъ стать мнѣ самому во многихъ отношеніяхъ. Если я рѣшился на послѣднее, то потому, что я тѣмъ временемъ еще разъ обработалъ тотъ же самый матеріалъ въ болѣе общихъ чертахъ, по совершенно иному методу, а потому и совсѣмъ въ другомъ порядкѣ.

Я считалъ себя въ правѣ сохранить прежній характеръ книги, ибо и сейчасъ еще думаю, что для цѣли, которую я тогда себѣ ставилъ и высказалъ въ предисловіи, она дѣйствительно оказалась болѣе всего пригодной, и въ этомъ отношеніи не была превзойдена появившимися тѣмъ временемъ изложеніями. Такой предметъ, какъ исторія философіи, который долженъ быть преподносимъ столь различно заинтересованнымъ и подготовленнымъ читателямъ, пуждается въ столь же разнообразныхъ обработкахъ. И сегодня я снова обращаюсь къ той же публикѣ, какъ и тогда.

На дѣлѣ поэтому общій взглядъ и распредѣленіе матеріала въ этомъ новомъ изданіи по существу остались прежними, а также передача философскихъ системъ и ихъ историческая связь въ глав-

номъ не измѣнилась. Но тѣмъ болѣе старался я въ частностяхъ повсюду заполнить пробѣлы, исправить ошибки, выяснитъ неопредѣленное и при этомъ постоянно имѣлъ въ виду результаты новѣйшихъ изслѣдованій, поскольку они касались моей задачи. Изъ отзывовъ, встрѣченныхъ книгой, наиболѣе поучительнымъ и полезнымъ былъ отзывъ Хр. Зигварта въ *Göttinger Gelehrten Anzeigen* (1882). Но и другія указанія критики были приняты во вниманіе. Наиболѣе важныя измѣненія новаго изданія сводятся къ особому разсмотрѣнію Галилея (§ 14) и къ перемѣнамъ въ изложеніи Бэкона, Гоббеса, англійскихъ моралистовъ, Юма, а во второмъ томѣ Шлейермахера, Шопенгауера и Гербарта.

Потребовавшіяся для этого добавленія и преобразованія я, насколько могъ, старался сообразовать съ стилемъ прежняго изложенія. Послѣднее, разумѣется, было повсюду тщательно просмотрѣно и исправлено. Въ общемъ я сохранилъ характеръ нѣсколько широкой откровенности, съ которой оно нѣкогда развивалось, и лишь срѣзалъ черезъ чуръ юные побѣги. Съ благодарностью упоминаю объ одной подробной рецензій, вызванной книгой въ свое время въ нашихъ журналахъ, которая обратила мое вниманіе на дюжину словесныхъ неточностей, ускользнувшихъ отъ меня въ обоихъ томахъ, сравнительно быстро изложенныхъ съ кафедръ.

Пусть же оба тома снова идутъ въ свѣтъ, какъ предвозвѣстники третьяго, который, какъ я надѣюсь, появится въ очень непродолжительномъ времени и будетъ въ своихъ трехъ частяхъ разсматривать философію нашего времени.

Страсбургъ. Мартъ 1899.

В. Виндельбандъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Если уже въ политической исторіи трудно намѣтить въ потокѣ событій пограничныя пункты, которые отдѣляли бы одинъ періодъ отъ другого, то съ тѣмъ большими трудностями сопряжено такое разграниченіе въ исторіи умственнаго развитія, которая даже въ свои критическіе моменты протекаетъ съ гораздо большей постепенностью. Новое, если оно даже внезапно всплыло на поверхность, все таки давно уже прокладывало себѣ дорогу въ глубинѣ, задолго подготовлялось исторіей; и болѣе проницательный наблюдатель впередъ уже провидитъ въ немъ направляющую силу. Съ другой стороны, силы и созданія умственной жизни болѣе устойчивы и до извѣстной степени болѣе живучи, чѣмъ внѣшнія учрежденія человѣчества: опровергнутыя мысли много дольше живутъ въ воспоминаніи, нежели разрушенныя государства; и въ духовной области никогда не удается произвести столь быстрые и коренные перевороты, какіе нерѣдко происходятъ въ исторіи политической. Такимъ образомъ, постепенность перехода, медленное рожденіе новаго и долго незамирающіе отзвуки стараго препятствуютъ почти повсюду точному хронологическому обозначенію различныхъ эпохъ культуры.

Болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было замѣчается это, когда мы пытаемся провести границу между средними вѣками и новымъ временемъ. Чѣмъ многостороннѣе, чѣмъ сильнѣе и, въ то же время, чѣмъ глубже былъ переворотъ, пережитый въ это время Европой во всѣхъ областяхъ ея культурной дѣятельности, тѣмъ меньше возможности съ точностью опредѣлить тотъ моментъ, которымъ можно было бы закончить старое и начать новое время. Въ этомъ случаѣ намъ приходится обозначать, какъ переходное время, не отдѣльные года или десятилѣтія, но цѣлыя столѣтія, столѣтія жестокой борьбы силъ, въ теченіе которыхъ изъ хаотическаго распада выработываются новые образы, постепенно получающіе прочную жизненность. Мы называемъ это переходное время Возрожденіемъ, именемъ, которое, обозначая первоначально оживленіе интереса къ занятіямъ классиками, имѣетъ болѣе глубокое и цѣнное значе-

ніе, такъ какъ знаменуетъ собою время полнаго перерожденія европейской жизни. Въ горячемъ, страстномъ возбужденіи этого времени сплелись продукты всѣхъ бывшихъ культуръ, мысли античнаго и христіанскаго міра; и изъ этого пламени возродился обновленный фениксъ—современный культурный человѣкъ.

Какъ и всегда, опредѣляющія силы умственнаго движенія, претворившись въ идеи и системы, выступаютъ въ современной философіи. И она обнаруживаетъ такую же страстность, такое же юношеское броженіе; и въ ней также мы долго еще видимъ и старое, и новое, то въ ожесточенной борьбѣ между собою, то въ удивительномъ мирномъ смѣшеніи. И здѣсь также невозможно провести безъ затрудненія бесспорную границу между средневѣковьемъ и новымъ временемъ, которая расцѣкала бы непрерывное теченіе мысли. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить сравненіе различныхъ изложеній исторіи философіи: одинъ изслѣдователь проводитъ между въ одномъ мѣстѣ, другой—въ другомъ; или случается, что одинъ и тотъ же философъ, который по ходу своего мышленія однимъ изслѣдователемъ считается еще вполне средневѣковымъ, другимъ можетъ быть принятъ за типъ новаго времени. Вѣдь само собою разумѣется, что и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ также сталкивается и сливается старое и новое; и какъ разъ въ эпоху Возрожденія встрѣчаемся мы съ тѣми глубоко-противорѣчивыми натурами, которыя сами ничего не знаютъ или не хотятъ знать объ этомъ своемъ внутреннемъ противорѣчій. Въ это время, когда старыя формы разлагаются, а новыя еще не сложились, появляется безчисленное множество фантастическихъ системъ, за страстнымъ стремленіемъ которыхъ къ познанію не можетъ угнаться ни формальное развитіе мышленія, ни запасъ достовѣрныхъ свѣденій; и эти системы составляютъ пеструю толпу образовъ, разноцвѣтный маскарадъ, гдѣ старое и новое, постоянно смѣняя другъ друга, какъ бы играютъ въ прятки *).

Если, приступая къ изученію новой философіи, мы хотимъ составить себѣ картину этого переходнаго времени, то изъ отливающей разными цвѣтами ткани того времени намъ необходимо выдѣлнить отдѣльныя нити. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что наряду съ зарожденіемъ новыхъ силъ происходило и постепенное увиданіе старыхъ. Вѣдь ничто великое въ исторіи не приходитъ въ упадокъ лишь въ силу своей суровой участи быть разрушеннымъ и вытѣсненнымъ другимъ: истинная причина гибели лежитъ всегда и въ собственномъ внутреннемъ распаденіи. Поэтому, если философія Возрожденія со стороны своего положительнаго содержанія опредѣлялась филологическимъ, религіознымъ, юридическимъ и естественно-научнымъ движеніемъ, то отрицательнымъ

---

*) Такъ, на Иберійскомъ полуостровѣ (особенно въ іезуитскомъ университетѣ въ Ковимбрѣ) въ XVI и XVII вв., когда уже давно получили господство новыя умственныя силы, возродилась схоластика, главнымъ представителемъ которой считается Францъ Суаресъ (Suarez, 1548—1617); это было возобновленіе еомизма, болѣе подробное изложеніе котораго не можетъ войти въ исторію новой философіи.